Александр Сарапин в своей статье предлагает поразмышлять о том, возможно ли преодолеть методологическую неопределенность феноменологии религии. Автор приходит к выводу, что есть разные феноменологии религии, которые исследуют отличающиеся друг от друга феномены.

Статья итальянского профессора Массимо Серретти посвящена проблеме того, возможен ли, и, если возможен, то как, феноменологический подход в изучении религии в целом и христианства в частности.

Завершает ежегодник статья Сергея Шевцова, в которой он рассматривает возможные перспективы в применении феноменологии при анализе доказательств бытия Бога. Статья является своеобразным экскурсом в проблему.

В целом следует отметить, что статьи, которые размещены на станицах ежегодника, являются очень хорошими попытками выделить и заострить некоторые аспекты либо исследования религий, либо же истории исследований религий с феноменологической перспективы. Разумеется, читателю не следует надеяться на то, что этот сборник материалов даст ему исчерпывающие ответы на все или большинство вопросов, которые связаны с исследованиями религий при помощи феноменологии. Ежегодник «Феноменология и религия» представляет, скорее, сборник авторских очерков по той или иной проблеме, и является одной из первой попыток показать возможные сферы взаимодействия двух дисциплин. Возможно, именно этот факт обусловил отсутствие логического порядка в размещении текстов: статьи расположены в алфавитном порядке. К сожалению, также отсутствует как предисловие, так и послесловие к изданию, где редакторы обозначали бы цели данного номера, или же предоставили обоснование, почему именно эти статьи вошли в ежегодник. В целом, данное издание будет интересно студентам, аспирантам, преподавателям, исследователям, занимающимся проблемами осмысления религии с точки зрения феноменологии как дисциплины и методологии.

В.Л. Хромец

Рецензия на: *Христофорова О.Б.* **Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России**/ Ольга Христофорова. — М.: ОГИ, РГГУ, 2010. — 432 с.

Современная антропологическая и этнографическая литература незаслуженно слабо известна религиоведческому читателю. И книгу «Колдуны и жертвы» можно посоветовать прочесть всем интересующимся современной российской религиозностью для исправления этого досадного упущения.

На первый взгляд, книга эта узкоспециальна и является результатом полевых исследований автора в Верхокамье, Калужской и Кировской областях, а также Москве и Подмосковье. С другой стороны, тема привлечет и далекого от науки читателя. Несмотря на обширный научный аппарат, язык сочинения вполне позволяет такое знакомство; кроме того, книга на-

сыщена фрагментами интервью, содержит впечатляющую библиографию, а также фотоиллюстрации.

Ольга Христофорова — кандидат культурологии, доцент Центра типологии и семиотики фольклора и Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ. Ее книга, как говорится в аннотации, «рассматривает веру в колдовство как социально-культурный феномен, в котором соединены социальные отношения, модели поведения и мифологические сюжеты» и отвечает на вопрос, каковы основы и современные модификации нарратива о колдовстве, сглазе, порче.

Структурно работа состоит из восьми глав. Первая посвящена существующим подходам в антропологическом изучении колдовства. Во второй и третьей описываются объяснительные модели и стратегии поведения, которые носителям традиции предлагает колдовской дискурс. Далее рассматриваются ключевые понятия — *знать* и *делать*, *свои* и *чужие*. Кроме того, автор рассматривает проблему границ между душевной болезнью и фольклорным, «колдовским» мировосприятием. В финальной части работы автор обращается к бытованию традиционных моделей, связанных с колдунами, в культуре города.

Работа включает в себя обширную историографическую справку об антропологическом изучении колдовства, на основании которой автор формулирует свою методологию. Автором выделяется шесть существующих в антропологии моделей объяснения колдовства (с. 28-45). Колдовство может толковаться как способ объяснения несчастий (модель предложена еще Э. Эвансом-Причардом) или как социальный институт (очевидны дюркгеймовские основания модели). Колдовство может восприниматься как политический инструмент, используемый для структурных, социальных воздействий и решения конфликтов. Также существует социально-психологическая модель, согласно которой колдовство оказывается способом разрядки негативных эмоций — так называемая концепция «конфликта соседей».

Особняком стоит модель «образа ограниченного блага» (image of limited good), созданная Джорджем Фостером, с точки зрения которого крестьянскую экономику можно описать как ограниченное количество ресурсов, распределенные между членами общины, из-за чего улучшение положения одного из крестьян неизбежно вредит положению всех остальных. Именно поэтому, как пишет О. Христофорова, «в крестьянской экономике успешный человек вызывает подозрение и враждебность, про него часто распространяют сплетни, ему предъявляются обвинения в колдовстве или, напротив, угрожают колдовством» (с.41).

Также особое место занимает концепция «культур колдовства», согласно которой колдовство оказывается специфической чертой и доминирующим типом мышления в развивающихся странах.

Все эти модели, за исключением, пожалуй, последней, автор использует в интерпретации своих наблюдений. Такая многомерность обогатила исследование, и во многом благодаря ей, несмотря на крайне узкую проблему, стоящую перед автором, данная монография может стать прекрасным источником для учебной и научной работы.

Свою цель автор формулирует как поиск «общих закономерностей колдовского дискурса» (с.13), в первую очередь ориентируясь на типич-

ные, наиболее широко распространенные понятия, эмоции, жесты, встречающиеся в коллективном представлении о колдовстве.

Если вспомнить заголовок книги, «Колдуны и жертвы», то в книге гораздо больше о последних — тех, кто существует в пространстве колдовского дискурса и приписывает себе роль объекта колдовства. И колдуны, и жертвы исследуются и функционально, и семиотически — что колдовство с ними делает и что оно для них значит.

Выводы, которые делает О. Христофорова, в очередной раз демонстрируют спектр методологических подходов современных полевых исследований: «представления о колдовстве представляют собой язык описания социальной реальности, прежде всего (но не исключительно) конфликтной» (с. 289). Уже в одной этой фразе можно увидеть сразу несколько объяснительных моделей, предложенных автором в методологическом вступлении к работе.

Религиоведение в России в значительной степени остается кабинетной наукой. Не уверена, что после прочтения работы «Колдуны и жертвы» ситуация кардинально изменится, и все ученые массово выйдут в поле, но желание такое возникнет у большинства. Да и понимания, какое оно — поле, после прочтения этого исследования прибавится.

К.А. Колкунова

Рецензия на: *Элиаде М.* **Мемуары** / [пер. с рум. Анастасии Старостиной]. М.: Критерион, 2008. 460 с. Т. 1: Посулы равноденствия (1907-1937); Т. 2. Жатва солнцеворота (1937-1960).

Современное религиоведение в целом и феноменологию религии в частности сложно представить себе без фигуры румынского религиоведа Мирчи Элиаде (1907-1986). В 2008 году, наконец, вышел в свет перевод последней книги Элиаде, его автобиографии, изданной издательством «Критерион» при содействии Румынского Института Культуры.

Мемуары Мирчи Элиаде составляют два тома, каждый из которых делится, в свою очередь, на части и главы. В приложении к автобиографии опубликованы четыре статьи, выступающие в качестве своего рода некрологов или эпитафий Элиаде, и автобиографический фрагмент, в котором Элиаде раскрывает секрет соотношения своего философского и научного творчества с литературным. Оба тома и приложения опубликованы в одной книге. Мемуары Элиаде представляют большой исследовательский интерес — в том числе, по причине отсутствия достаточно подробной биографии ученого на русском языке.

В обзоре автобиографии Мирчи Элиаде сложно было, по причине специфики рассматриваемого жанра, избежать технического пересказа работы, поэтому мы постарались максимально передать атмосферу и самые важные моменты из жизни известного религиоведа, сделав акцент на его религиоведческой деятельности. Итак, обратимся к первому тому автобиографии Мирча Элиаде.